

ТЕОРИЯ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

А. Г. Гилевская

Традиционно рождение семантики возможных миров (СВМ) принято связывать с теориями философа вт.п. 17 века Готфрида Лейбница и его утверждением о том, что Божественный разум «непрерменно и извечно содержит вариант бесконечного множества миров, но Бог выбирает лучший из этих миров, творя его таким, каков он есть» [1, с. 239]. И хотя сегодня все чаще можно услышать мнение о том, что вся философия так или иначе сосредоточена на концептуальном построении этих самых

возможных миров [2], именно лейбницевское представление существующего через ряд альтернатив, через оппозицию необходимого и случайного определило логическое направление развития теории.

В настоящее время семантики возможных миров используются для определения значения выражений, семантический статус которых зависит не от единственного, а от многих возможных положений дел, где превалирующим направлением выступает структуризация истинностного значения, то есть его многоуровневое описание: «конструируются комплексные модели, сочетающие понятия возможного мира, момента времени, субъекта произнесения (миры наблюдателя) и субъектов пропозициональных установок (миры познающих)» [3].

Среди всего многообразия возможных миров крайними по своим принципам считаются концепции Сола Крипке и Дэвида Льюиса [4]. Вслед за Лейбницем, Крипке рассматривает реальный мир как один из множества логически возможных миров, а последние – как некоторые абстрактные понятия, служащие для интерпретации закономерностей действительности [5]. Модальный (или «крайний») реализм Льюиса утверждал равноправную реальность всех существующих миров. Более того, философ настаивал на том, что когда мы говорим об отличии нашего мира от других возможных, о его реальности, мы имеем в виду лишь то, что это наш мир [6]. Поскольку далеко не все ученые вслед за Льюисом готовы были признать метафизическую реальность возможных миров, науке были предложены и не столь категоричные интерпретации понятия. Так, Роберт Столнейкер выдвигает теорию «умеренного реализма», согласно которой возможные миры существуют как альтернативный способ бытия вещей, при котором сами вещи уже не являются идентичными тем, что существуют в мире реальном [7]. Относительно же современного подхода можно отметить существующую тенденцию к эклектизму во многом противоположных по своей сути теорий и утверждение принципа неопределенности как условия самого существования возможных миров [3].

Однако, получившая свое рождение в рамках логики теория, оказалась настолько привлекательной и, главное, «легкой на подъем», что продолжила свое существование в ряде других дисциплинах, причем не только как некое идейное основание, но и практически обоснованное направление.

В спектре дисциплин лингвистического характера теория возможных миров (ТВМ) обнаружила достаточно сильные позиции в семантике, прагматике и литературоведении.

В собственно семантическом контексте ВМ используются для обозначения сущностей, относительно которых определяются истинност-

ные значения пропозиций (у С. Крипке) [5]; они описываются как максимально согласованные классы пропозиций (у Я. Хинтикка) [8], или объявляются причиной рациональной деятельности человека – его размышлений, коммуникации и изучения с целью установления различий между понятиями (у Р. Столнейкера) [7]. Среди основных направлений использования ТВМ в семантике можно отметить рассмотрение семантики вопроса и прагматики вопросно-ответной системы отношений, анализа пресуппозиций, роли контекста и контекстных изменений при интерпретации дискурса, а также обозначение целого спектра новых проблемных задач, стоящих, главным образом, на междисциплинарном уровне, таких как соотношение семантики и концептуализма, разграничение возможных миров и мыслимых и проч. [9]. При всем этом, нельзя не отметить явный идеализм, который присущ существующим в рамках данной теории подходам, а также неоднозначность и порою явную противоречивость результатов, которые дают выдвинутые здесь методы исследования (пр.: тест У. Куайна на референтную нерегулярность и тест экзистенциальной генерализации). Но даже при такой неидеальности практических результатов СВМ является достаточно популярным подходом, необходимость обращения к которому, по мнению Б.Х. Парти, тут же исчезнет, если будет создан метод, позволяющий производить анализ пропозиций без апелляции к возможным мирам [9, с. 119].

В литературоведении перспективы ТВМ предстают в более обнадеживающем свете. Сама теория – в том виде, в котором она используется для анализа литературных произведений, – значительно отличается от семантики возможных миров в ее логико-философском контексте. Имея объектом своего исследования не некоторые идеальные модели или конструкции, которые могут быть помещены в тот или иной контекст и в зависимости от выбора этого контекста поменять свое истинностное значение, а конвенционально завершённые мировые образования, обладающие большей степенью независимости от других возможных миров, нежели миры логики, теория возможных миров – как рассматриваемая в таком ключе – ставит своей задачей определение «литературной» истины, изучение природы вымышленного и установление связей миров литературы с нашим «реальным».

Вполне очевидно, что при таком рассмотрении, ТВМ особенно полезной может оказаться для анализа произведений с четко обозначенным сочетанием вымысла и реальности – агиографий (В. Лурье), альтернативной истории (М. Назаренко) и проч.

В отношении художественной литературы вопросы применения ТВМ разрабатывали У. Эко, М.-Л. Райан, Л. Долежел и многие другие. В своих многочисленных работах ученые пытались произвести классифика-

цию текстов по принципу истинности (Л. Долежел, 1998), ранжировать миры по ролевому предназначению автора, персонажей и читателя (У. Эко, 1984), и даже объяснить природу динамичности сюжета через сочетание подмиров персонажей (М.-Л. Райан, 1991).

Также стоит отметить и существующие на сегодняшний день методы лингвистического анализа способов картирования миров. Так, А.П. Бабушкин предлагает заменить для данного контекста понятие истинности понятием достижимости [13] (что также было предложено Р. Бюгрантом для определения роли читателя в повествовании [14, с. 96]). Однако, несмотря на кажущуюся перспективность такого подхода, приходится признать социально-культурную обусловленность таких типологий для каждого конкретного языка. Для построения же некой универсальной схемы анализа (хотя бы только для близкородственных языков) необходимы результаты других сравнительно молодых дисциплин: когнитивистики, психолингвистики и проч.

И что хотелось бы отметить напоследок, так это идейный потенциал теории, позволяющий видеть дальше знакомого горизонта. И пусть далеко не все рожденные в таком контексте подходы могут претендовать на признание со стороны, их смелые и порою дерзкие выводы неспособны оставить равнодушными, что уже само по себе не мало. Хочется лишь верить, что интерес станет не единственным результатом такой работы.

Литература

1. Краткая философская энциклопедия / ред.-сост. Губский, Е.Ф. и др. М., Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994.
2. Интернет-адрес: http://arion.ru/wiki/VozmozhnyeMiry?show_comments=1.
3. Интернет-адрес: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.
4. *Лурье, В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxioma, 2009.
5. *Kripke, Saul.* A completeness theorem in modal logic // *Journal of Symbolic Logic.* 1959. № 24. P. 3-14.
6. *Lewis, D.* Counterfactuals. Harvard University Press, Cambridge, Mass, 1973.
7. *Stalnaker, Robert C.* Possible Worlds and Situations // *Journal of Philosophical Logic.* 1986. № 15. P. 109-123.
8. *Hintikka, J.* Impossible Possible Worlds Vindicated, in: *Game-Theoretical Semantics* // *Journal of Philosophical Logic.* 1975. Vol. 4. P. 475-484.
9. *Partee, B.H.* Possible Worlds in Humanities, Arts and Sciences // *Proceeding of Nobel Symposium.* S. Allén, Berlin, NY (de Gruyter), 2010. P. 93-123.
10. *Eco, Umberto.* The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington: Indiana UP, 1984.
11. *Ryan, M.-L.* Possible worlds and accessibility relations: A semantic typology of fiction // *Poetics today.* 1991. № 12 (3). P. 553-576.
12. *Dolezel, L.* Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds. Bloomington; L.: The John Hopkins University Press, 1998.

13. *Бабушкин, А.П.* 'Возможные миры' в семантическом пространстве языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001.
14. *Beaugrande, R.* Critical Discourse: A Survey of Literary Theorists. Norwood, N.J.: Ablex, 1988.